

АМАЛИЯ ЛИК

НА ОТШИБЕ
СТУЩАЕТСЯ ТЬМА

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л56

Ответственный редактор *Екатерина Тёрина*

Дизайн обложки *Анны Кроник*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Berkah Visual / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Лик, Амалия.

Л56 На отшибе сгущается тьма : роман / Амалия Лик. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-216698-3

С момента убийства Линды Смит прошло два года. За это время детектив Ален Расмус ушел из полиции и попытался начать новую жизнь. Однако в день своей свадьбы он получает странное письмо с адресом незнакомой женщины и угрозой: дело еще не закрыто.

Через две недели находят мертвым друга и бывшего начальника Расмуса, Якоба Скара. На теле — тринадцать ран, рот зашит черной нитью, как у Линды. Убийца объявился вновь, чтобы начать охоту на грешников. И Ален оказался в самом ее центре.

Теперь детективу придется вернуться в полицию и предотвратить череду жестоких убийств. Пока смерть не пришла за ним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лик А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216698-3

*У мести свой оскал.
Увидишь, и уже не забыть.*

Глава 1

На отшибе

Что тебе рассказать?
Мне было девять, когда родилась сестра.
Мне было двадцать пять, когда я ее убил.

Родного отца я не знал, и большую часть детства, лет до восьми, мы жили вдвоем с мамой в полной нищете. Но это были счастливейшие годы моей жизни. Конечно, до встречи с ней. Самые счастливые до встречи с ней. Ты же понимаешь?

Вернемся к истоку. Я долго думал, когда это произошло. Когда я стал им. Наверное, во мне это было заложено, в моем гене. Он сложился из сухих веток, и нужна была всего искра, чтобы разгорелся огонь. Мог ли я стать другим? Уже не узнаем. Но если поместить меня в другое, чужое, лучшее детство... Все возможно.

В общем, у матери было патологическое нежелание работать, поэтому мы жили, а точнее, выживали на пособие, которого едва хватало, чтобы оплатить аренду комнаты. На еду, одежду и другие потребности оставались крохи. Но не платить за комнату мы не могли, иначе бы оказались на улице.

В семь лет я научился подворовывать в магазинах, по мелочи, в основном еду: консервы, сосиски. Иногда, раз в месяц, брал себе шоколадку. Но я не жаловался. Меня, может, и не устраивал такой расклад. Да, любому

мальчишке хочется новые джинсы и кроссовки, велик свой, а не украденный, лимонад с чипсами. Но зато... в те времена я не боялся возвращаться домой. Да, именно так. Ты когда-нибудь боялся по-настоящему?

А потом, когда мне уже стукнуло восемь, мать встретила мужика и решила, что вытянула счастливый билет. Не знаю, для кого он был счастливым, но только не для меня. Он забрал нас из крохотной комнатки и перевез в свой дом на безжизненной, иссушенной земле на окраине Второго округа. Одноэтажный, две спальни, гостиная и кухня с небольшой верандой, выходявшей к заросшему сорняками участку, где стоял проржавевший гриль. К дому был пристроен гараж, в котором отчим вечно ремонтировал чужие машины. Но в основном он работал водителем фуры, поэтому моя жизнь делилась на счастливые дни, когда он уезжал в рейс, и на ужасные — когда возвращался домой. Не жизнь, а зебра.

Ему не нравилось во мне все. Кажется, даже то, как я дышал. Но, понимаешь, не дышать я не мог.

Первый год он срывался на мне не так часто, только когда был сильно пьян. И это... было терпимо. Выдохнул и пошел в новый день с надеждой, что он будет лучше. А потом он стал срываться постоянно. Иногда давал подзатыльники, иногда кидал в меня тем, что попадалось под руку. И постоянно орал, его ор я слышал даже во снах, в очень неприглядных снах. Но мать всегда была на его стороне, говорила, что без него нам не выжить, что он дал нам дом и еду. Я не знаю, чушь это все. Если бы она пошла на работу, а не сидела целыми днями на диване, уставившись в телик, то он был бы нам не нужен. Я в этом уверен.

Ее он почти никогда не трогал, а меня... Сейчас выдам его любимую фразу: «Ты думаешь, мне это надо? Нет, но я вынужден воспитывать тебя, сосунок, чтобы ты вырос настоящим мужиком».

Вот только как можно вырасти мужиком, если все твоё детство прошло в страхе и в боли. Я до сих пор помню влажные простыни поутру, после его уроков жизни. Но первые два года синяки быстро заживали, я держался, видя, что мать все устраивает, что теперь ей не нужно думать, где достать еды и как платить по счетам. Мне купили новые джинсы и черные кроссовки, и он даже притащил откуда-то старый велик, который я починил под его пристальным надзором.

Я даже подумал, что моя жизнь наладится, что он привыкнет ко мне или перестанет замечать. Я ходил в новую школу и даже пытался хорошо себя вести, ведь за прогулы и низкие оценки я получал смачную оплеуху, от которой кожа горела еще очень долго.

Но потом все изменилось.

Не знаю, виновата она в том, что после ее рождения моя жизнь превратилась в ад, или все же это отчим? Возможно, я должен был убить его, а не сестру. Но я хотел, чтобы он страдал так же сильно и ровно столько же, сколько страдал я. Я установил ему срок в восемнадцать лет, но, увы, он умер намного раньше, и не от моей руки.

Говорят, горе убивает.

Не соглашусь.

Убивают люди, а еще предметы, к примеру: нож, веревка, пистолет, бита, ну, ты понимаешь. А еще убивает стихия и болезни, но никак не горе. Меня ведь оно не убило, как не прикончил постоянный страх и даже жгучая ненависть.

Хотя бывали дни, когда жить действительно не хотелось: казалось, что я тону в своих чувствах, захлебываюсь в воспоминаниях. Но я продолжал дышать, видеть, слышать, чувствовать. Кровь никогда не текла из моего носа, ушей или рта из-за того, что внутри меня кровоточили ошметки сердца.

Я помню тот день.

Мама вернулась из роддома и принесла с собой постоянно кричащий комочек плоти. Отчим ходил вокруг свертка и никак не мог наглядеться на свою дочь. Не знаю, что он в ней нашел, в тот день ее кожа была бледной и отливала желтым, маленькие скрюченные пальчики, опухшие веки, редкие волосенки. Я бы не сказал, что сразу невзлюбил ее. Нет, это отторжение копилось много лет, укоренялось, вживалось и вращало во все мои клетки.

Сестру называли Синди, прямо как куклу. Знаешь такую куколку? Белые длинные волосы, голубые крупные глаза, розовые маленькие губы.

Наша Синди в детстве была не такой. Абсолютно обыкновенная, карие глаза, темные тонкие волосы, большие упругие щеки. До пяти лет она была довольно упитанным ребенком, а потом переболела какой-то заразой и пошла ввысь, а не вширь. И к пятнадцати годам выросла в красивую стройную девушку, может, это и сыграло ключевую роль в нашей с ней истории. Она действительно стала похожа на куклу, красивую снаружи, но пластмассовую внутри.

Отчим ее обожал, для него она была всем, а я так и остался ничем.

В тот год, когда родилась сестра, он первый раз отстегал меня ремнем так, что кожа рассекалась лоскутами, а потом покрылась коркой, и шрамы так никогда и не затянулись. И знаешь за что? Синди отдали половину моей комнаты. Моя кровать стояла справа, ее деревянная кроватка — слева, вся такая увешанная игрушками, с красивыми ярко-желтыми простынями с белыми кроликами. Около окна поставили тумбу для вещей сестры и стол для пеленания, а под мои вещи выделили несколько пластмассовых коробок. Мой стол был перемещен к стене с дверью, куда свет люстры абсолютно не доставал. Чтобы делать уроки, мне приходилось включать огромный фонарь, но это было тоже запрещено,

поэтому вскоре после ее рождения я перестал учиться. Хорошо хоть их это больше не волновало.

И вот в какую-то ночь я проснулся, слыша свой собственный крик. Мне приснился тогда жуткий кошмар, я хотел броситься к маме, но Синди так завопила, что в комнату ворвался разъяренный отчим и стал трясти меня как белье после стирки. Мать в это время укачивала Синди, а он стащил меня с кровати и поволок в зал. И вопил как бешеный: «Что ты с ней делал? Что ты сделал, маленький ублюдок?»

Я пытался оправдаться, объяснить, что мне приснился кошмар и что к ней я даже не подходил, но он и слушать не хотел. Отчим взял со спинки стула свой кожаный ремень и стал неистово стегать меня. Ни мои слезы, ни мольбы не остановили его.

Мама пришла ко мне, когда отчим отправился в спальню.

Она промыла раны, намазала их каким-то кремом и, даже не спросив, что случилось, сказала, что я не должен обижать сестру.

Обижать сестру...

Обижать сестру, мать ее!

Этими словами она нанесла мне последний удар, который стал больнее, чем все раны, кровоточащие на моем теле.

В тот вечер я решил, что больше никогда не буду оправдываться, не буду умолять о пощаде. В тот вечер я возненавидел сестру.

Я не вернулся в комнату, а сжался в клубок на диване, но так и не смог заснуть, потому что все тело адски болело, а при любом прикосновении я вздрагивал и чувствовал, как слезы сочились из глаз. Зато в ту ночь я понял простую истину: есть я, я один против всего мира. Нет ни одного человека на этом свете, ради которого стоит вести себя хорошо.

Глава 2

Ален Расмус сидел в машине, обдуваемый холодным воздухом из кондиционера, и внимательно следил за подъездом небольшого трехэтажного дома. Его тело затекло, а глаза устали неотрывно смотреть в одну точку. Он потянулся к бумажному стакану из-под кофе, но тот уже давно опустел.

Что он тут делает? Зачем приехал? Чего он ждет?

Ничего. Он просто сел за руль и поехал искать ответы. Две недели он боролся со своими мыслями, со своими демонами. Но они в очередной раз победили. Слова из письма, оставленного на пороге в день его свадьбы, поймали в ржавый капкан воспоминаний и трепыхавшейся надежды. Он не мог работать, не мог спать, не мог жить своей новой прекрасной жизнью. И дело было не только в содержании письма, но и в том, кто его оставил.

«Неужели Иллая вернулась?»

Та, кого уже два года все считали мертвой после того, как ее машина упала в реку и ушла на дно. Но ее тело так и не нашли, а он... Он даже и секунду этих двух лет не сомневался, что Иллая выжила. Да, она исчезла, канула в холодный поток его воспоминаний. Но пока Ален не войдет в безлюдное помещение морга и не услышит от коронера, что останки принадлежат ей без сомнений, никто не убедит его, что Иллаи больше нет.

Ален выплыл из мыслей, в которых уже слышал звук своих шагов по пустому коридору, видел перед собой за-

крытую белую дверь и металлическую ручку, до которой боялся даже дотронуться. Все внутренности покрылись ледяной коркой при одной мысли, что за дверью могло лежать ее обнаженное тело, а поблекшие каштановые кудри разметались по металлическому блестящему столу. Расмус подставил лицо под струю прохладного воздуха, остужая кожу.

Дорога сюда заняла у него двое суток. На ночь он остановился в придорожном мотеле, а с рассветом встал и помчался дальше. И вот он здесь, в городе Восточный Первого округа на Девятой улице у дома тридцать семь. И что он делал? Сидел в машине и смотрел в упор на дверь подъезда, будто участвовал в слезке. И при этом даже не пытался выйти и разведать обстановку.

А в голове вперемешку с мыслями об Иллае бултыхались, как выброшенные в бескрайнее море бутылки, вопросы: чего он пытается добиться своим визитом? готов ли увидеть ее? сможет ли узнать ее через столько лет? Алену было двенадцать, когда он видел мать в последний раз. Сколько ей сейчас? Лет шестьдесят. Что он почувствует, если найдет ее? Сможет ли простить ее, отпустив тоску и обиду?

Он столько раз обсуждал эту тему с психологом и даже решил, что справился с заостренными воспоминаниями и чувствами. Но, сидя в машине, скованный непонятным страхом и раздавленный беспомощностью, он чувствовал, как его до краев заполняет коктейль противоречивых эмоций. Расмусу казалось, что его откинуло в самое начало терапии, на которой настояли отец и Агнес. Ален отнекивался как мог, искал отговорки, любые причины, чтобы избежать того, чтобы чужой человек забирался к нему в черепную коробку. Но когда он полностью перестал спать по ночам, когда поиски Иллаи превратились в маниакальную зависимость и он стал кидаться на улице к каждой кудрявой или рыжей девушке — Ален сдался. И с тех пор посещал Дерека Муна.

Он случайно познакомился с ним в одном из баров, куда периодически наведывался после событий двухгодичной давности, когда девушка, которую он полюбил, оказалась жестокой серийной убийцей, вершителем правосудия с огромными психическими проблемами. Но даже это не смогло растоптать его чувства к ней. Он уверял себя, что Иллая — зло. Но сердце шептало обратное, искало оправдания, похожие на толстый слой крема, скрывающий настоящую начинку торта.

В тот вечер он и Дерек разговорились, и приятный ненавязчивый мужчина предложил ему свою помощь. Мун казался отличным специалистом, который умел поддержать разговор, но не заходил слишком далеко и не давил. А еще его кабинет был в соседнем от полицейского управления Пятого округа здании, и у Дерекса всегда находилось время для Алена. Лучшего варианта не стоило даже искать. Первое время Расмус ходил к нему раз в неделю, через несколько месяцев он стал посещать психолога раз в две недели. А последний год, после ухода из полиции, когда дело Иллаи наконец стало покрываться пылью, Ален наведывался к Муну всего раз в месяц — скорее просто по привычке, как к старому знакомому, чем для терапии. Оказалось, ходить к психологу не так страшно и унижительно, как он считал до этого. Именно благодаря общению с Муном он сблизился с Агнес и открылся отцу, да и его сон нормализовался. Пока две недели назад его не швырнуло обратно в прошлое.

Конечно, он рассказал о записке Муну. Позвонил на следующий же день и вывалил на ошарашенного психолога свои мысли, вновь лишившие его сна. Дерек пытался его успокоить и все эти дни настаивал на визите. Но Ален не мог, он был не готов и потерян. Да, как видно, вопрос ухода матери они так и не проработали.

«Надо навеститься к Муну», — подумал Расмус и посмотрел на выходящую из подъезда женщину.

Пригляделся к ней и отвел взгляд. Слишком молодая. Взял телефон и посмотрел на время. Вот уже пять часов он смотрел на дом, подъезд, людей, которые выходили и заходили внутрь. Каждый раз, когда дверь открывалась, все внутри него замирало, словно на него наставляли дуло пистолета. А потом он видел незнакомых людей и выдыхал, будто увернулся от пули.

Ален вновь взял телефон и открыл галерею, нашел фотографию того злополучного письма и всмотрелся в слова.

«Привет, детектив.

Поздравляю с днем свадьбы тебя и Агнес. Вы отличная пара! И вот мой тебе подарок:

Кэрл Джунс (Каролина Расмус), Первый округ, город Восточный, Девятая улица, дом тридцать семь.

Удачи. Передашь маме привет?»

Могла ли Иллая его обмануть? Но зачем? Чтобы что? А если это не от нее? Нет, точно она. Хотя подписи в письме не было, но он буквально слышал, как ее уверенный голос произносил их, ее интонацию, спрятанный смысл. С того момента, как он нашел письмо, вся его жизнь вновь пошла трещинами. Вернулась бессонница, которую он пытался скрыть от Агнес и отца, а слова все крутились и крутились в голове, мешая думать, дышать, любить. Он стал мужем Агнес и скоро станет отцом их ребенка. Но каждую ночь последние две недели он ложился спать с мыслями об Иллае и о своей матери. Даже на свадьбе, когда гости отмечали их праздник, он сбегал, закрылся в кабинете и судорожно искал любую информацию о Кэрл Джунс. Но ничего не нашел. У него уже не было доступа к полицейской базе, а в интернете никаких данных о ней не было. Он наткнулся на пару страниц в социальных сетях, но на фотографиях были улыбающиеся девушки. Его руки дрожали, когда он вво-